

Ватулина Александра

Сложные отношения неолиберализма и феминизма на примере участниц движения «желтых жилетов» во Франции

Ватулина Александра –
студентка 1-го курса
магистерской программы
«Европейские исследования»
СПбГУ.

Для связи с автором:
peahigram@gmail.com

Для цитирования:
Ватулина А. Сложные
отношения неолиберализма
и феминизма на примере
участниц движения «желтых
жилетов» во Франции //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
[doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.1](https://doi.org/10.31856/jpp-gpp/2021.1.1)

Аннотация

Статья представляет собой анализ противоречий между неолиберальной логикой, господствующей в западных обществах и поощряющей индивидуализм, и феминизмом, опирающимся на коллективизм и женскую солидарность. Тема раскрывается на примере участниц «желтых жилетов» во Франции, активно вовлеченных в борьбу движения против экономического неравенства, но не артикулирующих гендерное измерение неравенства. Статья призвана ответить на вопрос, почему феминистская повестка не была поднята участницами движения, несмотря на имеющиеся предпосылки и возможности заострить внимание на гендерном аспекте. Неолиберальный характер современного феминизма указывается как одна из причин отсутствия у движения требований гендерного равенства в экономических и политических вопросах.

Ключевые слова: неолиберализм, феминизм, желтые жилеты, Франция, гендерное равенство, экономическое неравенство.

Введение

В движении «желтых жилетов», появившемся осенью 2018 г., феминистские требования определенно не были в приоритете. Несмотря на то что борьба против неравенства, которую движение продвигало с самого начала, могла бы потенциально включить в себя и гендерное измерение экономического неравенства, этого не произошло. Стоит отметить, что среди лидеров «желтых жилетов» изначально присутствовали женщины и играли заметную роль, а общая доля женщин в движении составляет примерно 45–47% [‘Gilets jaunes’... 2018].

Согласно социальному опросу, проведенному в 2018 г. группой исследователей из Sciences Po Bordeaux, участницы движения в большинстве своем заняты в сфере, связанной с заботой и уходом (медсестры, няни, сиделки и т. д.) [ibid.]. Среди них также заметно выделяется группа разведенных женщин с детьми [Les Gilets jaunes... 2019].

Социальный состав протестующих женщин по многим признакам (низкооплачиваемый труд, разведенные, с детьми) должен был способствовать появлению каких-то феминистских измерений в движении, но этого так и не произошло (и не было даже намека на это). Почему движение, выступающее против неравенства, не попыталось сфокусироваться на неравенстве в отношении женщин? Бесклассовость и отсутствие сформированной коллективной идентичности у движения не могут это прояснить, так как такие характеристики даже если и мешают выдвиганию общей позиции, то, по крайней мере, не мешают поднимать узкогрупповые вопросы хотя бы на уровне обсуждения и артикуляции своего недовольства. Для ответа на поставленный вопрос в статье приводится анализ неолиберального феминизма и его влияния на участниц движения «желтых жилетов». Также проведен анализ постов в группе Facebook “Femmes Gilets Jaunes” по ключевому слову “feminism”, чтобы выявить отношение участниц движения к феминистским идеям.

Неолиберальный феминизм: обзор

В этом разделе стоит остановиться на понятии неолиберализма и его связи с феминизмом. В данной статье под неолиберализмом я подразумеваю «мотив прибыли и индивидуальную (а не коллективную) ответственность; резко утопическое видение рыночного господства, коренящееся в идеализированной концепции конкурентного индивидуализма и глубокой антипатии к формам социальной и институциональной солидарности» [Peck, Theodore, Brenner 2009: 51]. Преобладание неолиберальных идей и предположений в современных западных обществах сформировало большинство аспектов личной и профессиональной жизни.

Как экономический порядок, неолиберализм опирается на воспроизводство и заботу, чтобы воспроизводить и поддерживать человеческий капитал.

Работающие женщины и мужчины, например, часто покупают услуги по уходу за своими детьми или стареющими членами семьи. Однако парадоксом неолиберализма в этом отношении является отсутствие в неолиберальном политическом лексиконе признания ценности воспроизводства и работы по уходу. Это происходит не только потому, что человеческие субъекты все больше превращаются в общий человеческий капитал, где гендер отрицается, но и потому, что разделение публичной и частной сфер, питающее либеральную мысль и традиционное гендерное разделение труда, размывается через преобразование всего в капитал и проникновение рыночной рациональности во все сферы жизни, включая самые интимные.

Иными словами, неолиберализм не имеет политического воображения вне рынка и рыночной экономики, и тем самым он колонизирует все сферы жизни, включая частную сферу. Поэтому неолиберализм может фактически нуждаться в феминизме для разрешения, по крайней мере временного, одного из своих внутренних противоречий в отношении пола (в том, как воспроизводство и уход, воспринимаемые как чисто женский труд, вписываются в концепцию эмансипации) [Fraser 2009].

Неолиберальный феминизм часто опирается на упрощенное, редукционистское понятие «женщины», которое игнорирует неравенство власти и рассматривает освобождение женщин исключительно через рынок. Гендер позиционируется как центральная форма неравенства и оправдывается с точки зрения бизнеса, а не какой-либо концепции социальной справедливости [Squires 2007].

Неолиберальный феминизм уничтожает потенциал обеспечить критику социальной несправедливости, порожденной структурными противоречиями либеральной демократии, и таким образом еще больше укрепляет неолиберальную рациональность.

Катрин Роттенберг утверждала, что неолиберализм «захватил» феминистскую повестку дня, намеренно опустошая господствующий феминизм и укрепляя неолиберальную рациональность [Rottenberg 2014]. Эта колонизация феминизма стремилась расширить неолиберальные и индивидуалистические сферы и перенести феминизм из групповой борьбы или движения за социальную справедливость в сферу индивидуальной ответственности, уменьшая или устраняя роль государственного феминизма. В западных демократиях неолиберализм ослабил многие формы коллективной идентичности, в том числе женское движение, предложив вместо них химеру индивидуального выбора и потребительства [Beckwith 2002].

Элизабет Прюгль выделила в неолиберализме три различных значения: 1) политический проект, возникший из эпохи после холодной войны, связанный с дерегулированием и приватизацией; 2) экономическая доктрина,

закрепляющая доминирование частного предпринимательства, рынка и скептицизма по отношению к государству; 3) культурная формация правительственной ответственности и связанные с этим изменения в рациональности и технологиях управления [Prügl 2015]. Индивидуализм, в противоположность коллективизму, пронизывает все эти три сферы.

Те субъекты, которые уже наделены определенным объемом экономического, социального, культурного и символического капитала, все чаще приветствуются как общий человеческий капитал, как часть процесса, который лишает их любой ценности или маркеров идентичности, кроме рыночных. Эта интерпелляция помогает производить субъектов, которые информированы метрикой затрат и выгод и которые, чтобы оставаться жизнеспособными, не говоря уже о процветании, должны тщательно упорядочивать свою жизнь, делая разумные инвестиции в себя в настоящем, чтобы обеспечить повышенную отдачу в будущем.

Неолиберальный феминизм опирается на новую рациональность, в основе которой лежат понятия индивидуальной свободы, выбора и расширения возможностей [Brown 2003]. Эта рациональность включает в себя дискурс, который порождает индивидов в качестве предпринимателей собственного «я» и способствует созданию внешней среды, побуждающей индивидов к самоконтролю, с тем чтобы они вели себя в соответствии с рыночными принципами. Само «я» становится предприятием.

В то время как некоторые «я-концепции» допускают формы классовой солидарности, которые могли бы способствовать социальным изменениям в интересах уязвленных слоев населения, «я-концепции», поощряемые неолиберализмом, относятся к типу «каждый сам за себя».

Гендерное неравенство неолиберальный феминизм предлагает ликвидировать не через культурную политику или организацию движений, а посредством рыночной логики: через наращивание потенциала женщин, в предоставлении женщинам доступа к ресурсам и в поощрении индивидуальных устремлений и предпринимательской идентичности. Иными словами, решения проблемы предлагаются через расширение возможностей и прав женщин, чтобы они были наравне с мужчинами. При этом сложности, возникающие за чертой формальных прав и возможностей, не учитываются.

Индивидуализм изначально не сочетался с феминизмом, так как женщины как группа оказываются в худшем положении из-за того, что каждому человеку предлагается думать о себе в первую очередь [Fraser 2009]. Феминистки просто не могут обойтись без двух концепций, которые методологический индивидуализм удаляет из объяснительного инструментария: социальные группы и социальные структуры. В этом смысле проблема групповой идентичности женщин и сопротивление гендерному угнетению взаимосвязаны.

Джонатан Дин предполагает, что многие современные женщины при-мыкают к неолиберальному феминизму из-за того, что они родились после устранения многих юридических барьеров на пути к равенству и были воспитаны в культуре большей индивидуальности и свободы [Dean 2010]. Они могут признавать гендерное неравенство, но рассматривать решения как индивидуальные, а не коллективные или организационные [Reynolds et. al. 2018]. К. Роттенберг отмечает, что это превращает коллективный феминизм в индивидуальную заботу о себе, так как женщины дистанцируются от коллективного феминистского движения, чтобы избежать идеи быть жертвой, требующей организованной защиты [Rottenberg 2014: 426].

Неолиберальный дискурс ограничил дискурсивное пространство для разговоров о несправедливых или репрессивных социальных отношениях и вместо этого фокусируется на индивидуальной свободе воли и самоопределении [Baker 2010].

Я предполагаю, что эта трансформация либерального феминизма в неолиберальный со всеми вытекающими отсюда последствиями является результатом усиливающегося кризиса в либеральной интерпретации пространства и основана именно на стирании понятий свободы, равных прав и социальной справедливости. Такие понятия, как удачный баланс между работой и семьей, становятся нормализующей матрицей, которая помогает управлять женщинами, формируя их желания, стремления и поведение.

Характеристика «желтых жилетов»: анализ роли женщин в движении

Женщины были активно вовлечены в манифестации с самого начала движения. Их требования были направлены на повышение уровня жизни и осуждение падения покупательной способности и стоимости жизни, что свидетельствует как об экономической нестабильности, с которой чаще сталкиваются женщины, чем мужчины, так и об экономическом неравенстве между женщинами и мужчинами.

Однако эти требования ничем не отличаются от того, что требует и мужская часть движения: прежде всего иметь достаточно денег, чтобы свести концы с концами. Фокус на проблемах, касающихся гендерных аспектов, крайне редок и лишь иногда раздается в специализированных группах Facebook, посвященных женским манифестациям [Femmes Gilets Jaunes 2019a].

Даже если «желтые жилеты» организуют мероприятия с участием исключительно женщин, феминистская повестка не только не проявляет себя, но часто отторгается. Вот что было указано в объявлении группы Facebook “Femmes Gilets Jaunes”, посвященном «женской манифестации»: «Дорогие женщины, мы находимся на улицах с 17 ноября, пока мы ведем себя сдержанно,

поэтому призываем всех женщин мобилизоваться. Мы продолжаем дополнять друг друга и солидарны с мужчинами, это не феминистская, а женская борьба» [Femmes Gilets jaunes: un rassemblement... 2019].

В одном из объявлений о манифестациях было негативное замечание о феминистских ассоциациях, пытающихся присоединиться к «желтым жилетам»: «Мы не позволим, чтобы наш голос был украден так называемыми “феминистскими” ассоциациями, которые тоже будут там» [Femmes Gilets Jaunes 2019b]. Далее в посте было указано, что настоящий феминизм представляют исключительно участницы «желтых жилетов».

В другом посте есть отсылки к феминизму для непривилегированных классов, противоположному «буржуазному» феминизму: «Мы больше не позволим эгоцентрической буржуазии опорочить слово “феминизм”, потому что феминизм – это история борьбы, а не эстетическая поза. Феминистки – это те, кто борется за права ВСЕХ женщин» [Femmes Gilets Jaunes 2019c]. Впрочем, какой-то феминистской активистской деятельности подобные заявления за собой не влекут, а репертуар действий практически ничем не отличается от манифестаций остальных «желтых жилетов».

С одной стороны, участницы движения признают дискриминацию, с которой они сталкиваются, и ненадежность, которую они испытывают больше, чем кто-либо иной. С другой стороны, нет никаких попыток развить внутри движения феминистский блок и осуществлять борьбу по специфическим женским вопросам. Также, согласно наблюдениям экспертов из CNRS (Национальный центр научных исследований), на манифестациях женщины выполняют классические гендерные роли – готовка и снабжение едой демонстрантов на баррикадах, среди которых большинство составляют мужчины [Pourquoi autant... 2019].

Таким образом, движение по-прежнему остается в значительной степени на обочине феминистских ассоциаций. Во многом из-за того, что нет никаких четко сформулированных специфических требований, связанных с проблемой неравенства в оплате труда, неполного рабочего времени или нетипичного графика для женщин с детьми.

Сложившаяся ситуация вызывает еще больше вопросов, если учесть, что разведенные женщины с детьми первыми пострадали от сокращения государственных услуг, отмены или сокращения политики перераспределения, чрезмерно низкого уровня заработной платы и нестабильности [Moparentalité... 2013]. Попытки объяснить укоренившееся в движении неприятие мейнстримной феминистской повестки приведены в следующем разделе статьи.

Неолиберальный феминизм и участницы «желтых жилетов»

Для женщин, отвергающих логику подсчитывания выгод, постоянного саморазвития и инвестирования в себя, современный неолиберальный феминизм мало что может предложить. Участницы «желтых жилетов» в своих профессиональной и частной сферах жизни заботятся о других, их работа почти не связана с индивидуальным карьеризмом и «я-концепциями» – скорее, с точностью наоборот.

Движению трудно выработать общую политику из-за индивидуализма, сформированного неолиберальной средой/дискурсом. При этом феминизм – коллективное движение, а не эмансипация отдельных личностей, поэтому отчет о сотрудничестве должен включать различные устойчивые практики, концепцию власти и связанности [Dissident... 2016: 81].

Участницам движения трудно встроиться в феминизм, завязанный на рыночной логике. Феминистские идеи, встроенные в неолиберальную рациональность, делают новые гендерные идентичности и гендерные различия продуктивными для бизнеса и экономического роста, но не учитывают проблемы женщин из классов ниже среднего.

Повестка неолиберального феминизма удобна для женщин, у которых уже есть определенное материальное и социальное положение, для остальных она остается непостижимым дискурсом о возможностях для единиц, в то время как структурные элементы неравенства продолжают игнорироваться. Элитарная перспектива не учитывает реальности большинства женщин. Структурная проблема превращается в индивидуальное дело.

Неприятие мигрантов среди «желтых жилетов» также может быть одной из причин невозможности обрести групповую субъектность: неспособность участников движения выйти за пределы своих расовых, классовых, культурных различий, сексуальной ориентации и взаимодействовать друг с другом, чтобы расти и быть освобожденными коллективно, ведет к тому, что движение не может трансформировать социальную структуру властных отношений в менее угнетающую форму. Структурные формы маргинализации пересекаются [Crenshaw 1989], но неолиберальная логика не признает межсекторального опыта. Отсутствие транскультурных элементов и фокусировка движения на национальной культуре не позволяют «желтым жилетам» примирить конкурирующие интересы множественности идентичностей и построить единство, основанное на определенных принципах сотрудничества.

Заключение

Господствующий неолиберальный феминизм мешает закреплению других форм феминизма, поэтому феминистская повестка так и не появилась

в движении. Неолиберальная логика индивидуализма и решения личных проблем без создания групповой субъектности не позволяет гендерному аспекту оформиться среди требований «желтых жилетов».

Неолиберальные версии феминизма фокусируются на индивидуальном продвижении женщин, подчеркивают корпоративный рост и индивидуальное продвижение выше коллективного и узаконивают «те же самые неолиберальные макроэкономические рамки, которые поддерживали гендерное неравенство и угнетение» [Roberts 2015: 209]. В таких условиях феминизм становится деполитизированным и неспособным на потенциальную эмансипацию [Dean 2010].

Как итог, неолиберальный феминизм, далекий от реальности участниц движения, не вовлеченных в проекты по инвестированию в себя и постоянному подъему по карьерной лестнице, становится непригодным для движения, которое выступает против неолиберальной логики распределения благ. Другие же версии феминизма не представлены в медийном поле и властном дискурсе.

Принятие и освоение других более кооптирующих форм феминизма могли бы позволить участницам «желтых жилетов» выработать общую повестку относительно гендерного измерения неравенства и выдвинуть государству конкретные предложения по достижению большего экономического и социального равенства. Так, например, транскультурная версия феминизма предлагает разрешать напряженность и конфликт, возникающие в результате различий между женщинами, с помощью транскультурных процессов и практик, которые, в свою очередь, могут стать основой новой политики различий в феминизме [Dissident... 2016: 81].

Признание и осмысление недостатков каждой версии феминизма или каждой культуры подчеркивает различия между женщинами и поощряет взаимодействие между ними. Транскультурный подход, в отличие от неолиберального, поощряет женщин, особенно тех, кто принадлежит к доминирующим культурам или имеет привилегии, перестать чрезмерно гордиться своей культурой или социальным положением и разделять политическую солидарность в целях устранения гендерного угнетения [ibid.: 82].

Источники

Baker J. (2010). Claiming volition and evading victimhood: Post-feminist obligations for young women // *Feminism & Psychology*. Vol. 20 (2). P. 186–204.

Beckwith K. (2002). Women, Gender, and Nonviolence in Political Movements // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 35 (1). P. 75–81.

Brown W. (2003). Neo-Liberalism and the End of Liberal Democracy // *Theory & Event*. Vol. 7 (1). P. 37–59.

Crenshaw K. (1989). Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // *The University of Chicago Legal Forum*. Vol. 140. P. 139–167.

Dean J. (2010). Feminism in the papers // *Feminist Media Studies*. Vol. 10 (4). P. 391–407.

Dissident Friendships: Feminism, Imperialism, and Transnational Solidarity. Edited by Elora Halim Chowdhury and Liz Philipose. Urbana: University of Illinois Press, 2016.

Femmes Gilets Jaunes. (2019a) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/1833300306773961/?post_id=1833601316743860&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets Jaunes. (2019b) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/390687841725014/?post_id=392007851593013&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets Jaunes. (2019c) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/390783568143275/?post_id=393097284578570&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets jaunes: un rassemblement pas (encore?) féministe (2019) // *lci.fr*. URL: <https://www.lci.fr/population/femmes-gilets-jaunes-un-rassemblement-le-6-janvier-pas-encore-feministe-2109126.html> (дата обращения: 27.03.2021).

Fraser N. (2009). Feminism, Capitalism and the Cunning of History // *New Left Review* 56 (March/April 2009). P. 97–117.

‘Gilets jaunes’: une enquête pionnière sur la ‘révolte des revenus modestes’ (2018) // *Giletsjaunes.hypotheses.org*. URL: <https://giletsjaunes.hypotheses.org/48> (дата обращения: 30.01.2021).

Les Gilets jaunes: la partie émergée de la crise sociale française? (2019) // *Institutmontaigne.org*. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/les-gilets-jaunes-la-partie-emergee-de-la-crise-sociale-francaise> (дата обращения: 28.01.2021).

Monoparentalité = femme + pauvreté ? Pistes de lutte contre la pauvreté des femmes monoparentales (2013) // *Service Etudes du Secrétariat National des FPS*. URL: <http://www.femmesprevoyantes.be/wp-content/uploads/2017/09/Analyse2013-monoparentalite-precarite.pdf> (дата обращения: 27.03.2021).

Peck J., Theodore N., Brenner N. (2009). Neoliberal urbanism: Models, moments, mutations // *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 29 (1). P. 49–66.

Pourquoi autant de femmes en gilets jaunes? (2019) // *Information.tv5monde.com*. URL: <https://information.tv5monde.com/terriennes/pourquoi-autant-de-femmes-en-gilets-jaunes-274434> (дата обращения: 27.03.2021).

Prügl E. (2015). Neoliberalising feminism // *New Political Economy*. Vol. 20 (4). P. 614–631.

Reynolds A.C., O'Mullan C., Pabel A., Martin-Sardesai A., Alley S., Richardson S., McCalman J. (2018). Perceptions of success of women early career researchers // *Studies in Graduate and Postdoctoral Education*. Vol. 9 (1). P. 2–18.

Roberts A. (2015). The political economy of 'Transnational Business Feminism' // *International Feminist Journal of Politics*. Vol. 17. P. 209–231.

Rottenberg C. (2014). The rise of neoliberal feminism // *Cultural Studies*. Vol. 28 (3). P. 418–437.

Squires J. (2007). *The new politics of gender equality*. Basingstoke, UK: Palgrave.